

ВИТАЛИЙ ИВАНОВ

Формы правления и политического режима В поисках нового содержания

Современная теория государства, излагаемая в учебниках и преподаваемая в рамках соответствующих курсов будущим философам, политологам, юристам, исходит из того, что форма государства как общетеоретическое понятие и как политическая реальность может рассматриваться как сумма понятийных элементов. К числу таковых относят в том числе формы правления (государственного правления) и режима (политического режима). Этот подход, безусловно, адекватный. Однако, по моему мнению, совершенно неадекватны широко распространенные представления о конкретных формах правления и режима. В данной статье я изложил свои предложения, которые, думается, могли бы стать основой для разработки новых классификаций форм правления и режима, а следовательно для ревизии важной составляющей теории государства.

Форма правления

1. Правление (государственное правление) есть формальная организация верховной, высшей власти в государстве, в том числе официальный порядок наделения властью главы государства (наследственный, выборный и т. д.), формирования высшего представительного органа государственной власти — парламента или его аналога и правительства (суды же традиционно не рассматривают в контексте форм правления¹), их взаимодействия между собой и т. д. Через понятие правления также определяются формальные источники и носители государственной власти.

¹ Это бы усложнило, «утяжелило» описания правления, не добавив ничего по сути.

Принято выделять и противопоставлять *монархическую* и *республиканскую* формы правления, *монархию* и *республику*. Как установилась эта традиция?

Античные корифеи — Платон, Аристотель, Полибий, Цицерон и др. при описании правления оперировали понятиями монархии, *аристократии*, *демократии* и пр. Цицерон писал и о «*res publica*», имея однако в виду не отдельную форму правления, а государство как таковое или «смешанное» монархическо-аристократическо-демократическое правление.

В Средние века практики правления в Венеции, Флоренции и пр., тем более что они основывались в немалой степени на римском «доимператорском» опыте, точнее на интерпретации римского опыта, давали повод называть эти государства республиками. В них не было монархов. Или власть монархов над ними носила исключительно номинальный (либо «дискуссионный») характер. Иными словами, республикой стали считать такое государство, в котором нет монарха. Современная традиция разделения форм правления именно на монархическую и республиканскую стала закладываться с XVI в. Так, флорентинец Макиавелли утверждал: «Все государства, все державы, обладавшие или обладающие властью над людьми, были и суть либо республики, либо государства, управляемые единовластно»². Но, к примеру, Боден еще следовал Цицерону и употреблял слово «республика» в значении «государство» (и, немного пересмотрев классическую греческую терминологию, выделял государства монархические, аристократические и «*populaire*»)³. Харрингтон, восхищавшийся венецианским правлением, в своем *opus magnum*, употребил слово «*republic*» один раз — применительно именно к Венеции и со ссылкой на Макиавелли⁴. Локк не включил республики в свою классификацию форм правления и т. д.⁵

Монтескье провозгласил: «Есть три образа правления: *республиканский*, *монархический* и *деспотический*. Чтобы обнаружить их природу, достаточно и тех представлений, которые имеют о них даже наименее осведомленные люди. Я предполагаю три определения или, вернее, три факта: «республиканское правление — это то, при котором верховная

² *Machiavelli N. Il Principe. Cap. I // Machiavelli N. Il Principe e Discorsi sopra la prima Deca di Tito Livio. Firenze, 1857. P. 5; Макиавелли Н. Государь. Гл. I // Макиавелли Н. Сочинения исторические и политические. Сочинения художественные. Письма. М., 2009. С. 59.*

³ *Bodin J. Les six livres de la République. Paris, 1608. L. II. Ch. I. P. 251.*

⁴ *Harrington J. The Commonwealth of Oceana. London, 1887. P. 108.*

⁵ С XV в. английская политическая литература стала использоваться понятие «*commonwealth*». Позже стали писать «*commonwealth*». Им обозначали то же, что на континенте называли *res publica*, то есть государство, а затем и «немонархическое» правление. В дальнейшем «*commonwealth*» стали употреблять в качестве синонима как «республики», так и «конституционной монархии». А в 1931 г. было основано Commonwealth of Nations, международное объединение, призванное насколько возможно заменить распадавшуюся Британскую империю.

власть находится в руках или всего народа или части его; монархическое, — при котором управляет один человек, но посредством установленных неизменных законов; между тем как в деспотическом все вне всяких законов и правил движется волей и произволом одного лица»⁶. Правда, понятие «деспотического образа правления», использовавшееся Монтескье в основном для негативации и карикатуризации государственного опыта Востока (в частности, Персии), со временем выпало из теории государства (точнее вначале деспотии стали смешивать с монархиями, а затем и вовсе в них «растворили»).

Руссо, в XVIII в. не менее, а то и более авторитетный теоретик, чем Монтескье, настаивал, что «всякое Правление, основанное на законах, есть республиканское»⁷. Но мейнстримом стала точка зрения Монтескье. И понятно почему. Американская, а затем Французская революции были антимонархическими как по форме, так и по содержанию. По их итогам провозглашались республики. Ставить знак тождества между старыми монархиями и революционными республиками в тогдашней обстановке было совершенно невозможно. И революционеры, и контрреволюционеры, и анализировавшие их доктрины ученые в этом полностью сходились. С тех пор много воды утекло, но противопоставление монархий и республик остается догмой теории государства.

2. В наши дни монархии обычно делят на *абсолютные* и *ограниченные (конституционные)*, а последние на *дуалистические* и *парламентские*. *Республики* — на *парламентские*, *президентские* и *смешанные*, то есть президентско-парламентские и парламентско-президентские.

Разница между монархией и республикой как будто совершенно очевидна. Монархия предполагает принадлежность власти наследственному (наследующему по закону, по обычаю, по воле предшественника) правителю или правящему роду и отбираемому из него правителю. А в республике власть принадлежит некоему коллективу, который может охватывать как крайне узкий круг лиц, так и все взрослое дееспособное народонаселение (нацию, точнее практически всю нацию). Этот коллектив осуществляет власть непосредственно или передает ее осуществление — временно, бессрочно либо «навечно» — в тех или иных пределах и объемах своим представителям — выборным правителям и др. Такой коллектив уместно называть гражданским и электоральным (электоратом). Также указывают, что при монархическом правлении источником власти провозглашается Бог или боги, а поэтому монархи либо объявляются избранниками Бога или воплощениями богов, проводни-

⁶ *Montesquieu*. De L'Esprit des Loix. Paris, 1831. Т. I. L. II. Ch. 1. P. 40; *Монтескье III. Л.* О духе законов. М., 1999. Кн. II. Гл. I. С. 17.

⁷ *Rousseau J.-J.* Contrat social: ou Principes du Droit Politique. Geneve, 1776. L. II. Ch. VI. P. 80.

ками божественной воли, духовными лидерами и т. п. либо сами обожествляются. Поэтому де монархическая власть непременно сакральна. В то время как при республиканском правлении источником власти выступает исключительно соответствующий коллектив. То есть республика — всегда сугубо светская, если не сказать «безбожная».

Однако при обращении к государственному опыту, хоть историческому, хоть современному, это разграничение обнаруживает относительную условность.

Во-первых, были и есть *выборные монархии*, в которых монархов избирали и избирают их будущие подданные, представители будущих подданных, высшая знать, верхушка монаршего рода и пр. Достаточно вспомнить Византийскую империю, Священную Римскую империю и Речь Посполитую. Выборными были первые халифы. Из современных выборных монархий следует упомянуть Камбоджу и Малайзию. Выборные институты введены в Омане и Саудовской Аравии. Известны и многочисленные прецеденты выборов правителей в монархиях, не относившихся к выборным — в случаях пресечения династий и т. п. У нас избранными царями были Борис (Годунов), Василий IV (Шуйский) и Михаил (первый из дома Романовых). *Выборный монарх — отнюдь не обязательно формальный представитель тех, кто его избирает* и тем более тех, кого представляют выборщики (если они вообще кого-то формально представляют кроме самих себя), *выборность сама по себе не означает представительства* (и представителем некоего гражданского коллектива может заявляться и наследственный правитель⁸). *Но, с другой стороны, выборность по определению предполагает обязательства и даже ответственность (пусть не юридическую, а политическую и моральную) перед выборщиками, а значит, исключает принадлежность монарху всей верховной власти, исключает собственно единовластие.*

Во-вторых, в порядке вещей *ограничение власти монархов со стороны выборных (и невыборных) представительных органов*, признание последними прав на престол, санкционирование вступления на престол, легальное свержение монархов. Речь идет не только о современных ограниченных монархиях, но и об исторических феодальных и сословно-представительных монархиях. В более ранние эпохи власть монархов ограничивалась и народными собраниями. (На Руси были удельно-вечевые и самодержавно-соборная монархии.) Нельзя забывать и о роли религиозных организаций и духовенства, тоже часто ограничивавших светских правителей и порой даже конкурировавших с ними (папство в средневековые времена).

В-третьих, власть в большинстве средневековых республик Италии, Германии и Швейцарии длительное время принадлежала не только общинам (коммунам), но также, пусть и номинально, императору

⁸ Как в некоторых современных наследственных монархиях, в которых монархи считаются представителями наций (см. далее).

(византийскому или римско-германскому), другим правителям, таким образом *соответствующие общины не были единственными носителями и тем более источниками власти.*

В-четвертых, *наследственное правление может быть установлено в республике.* В северонидерландских государствах, объединенных в конфедерацию Республика Соединенных провинций, практиковалась передача по наследству должностей *stadхаудеров*, по общему правилу выборных. Во Франции дважды вводилась наследственная императорская власть: один раз по решению представительного органа — в 1804 г. Сенат вверил республику императору Наполеону Бонапарту, другой раз посредством референдума — в 1852 г. большинство французов проголосовало за восстановление императорской власти и президент Шарль Луи Наполеон Бонапарт был провозглашен императором. В основанном в 1867 г. Северогерманском Союзе, этой «республике династий», конституционно предусматривалось наследственное президентство королей Пруссии⁹.

В-пятых, *республика отнюдь не обязательно «безбожна», а монархия — не обязательно сакральна.* Многие века Бога или богов и электоральные коллективы, в том числе общины, народы, нации, не противопоставляли друг другу. Республиканское правление не препятствует обожествлению правителей. Римской республикой (империей) правили императоры-«боги». Опыт церковно-государственного строительства породил не только специфические теократические монархии — Святой престол, княжества-епископства, но и специфические теократические республики — православная монашеская республика Святая Гора Афон, католические монашеско-рыцарские ордена. На теократических началах были организованы английская («кромвелевская») и другие протестантские республики (в Швейцарии, Северных Нидерландах, Южной Африке). В наши дни в Ирландии и многих мусульманских республиках на конституционном уровне провозглашается верховенство божественной воли над волями наций. В свою очередь, власть монархов зачастую несколько не сакрализована и основывается исключительно на исторической традиции. В качестве примера приведу, с одной стороны, Королевство Нидерланды, а с другой — Кувейт.

Также нужно напомнить о случаях референдумного «подтверждения» монархического правления, «республиканского переучреждения» монархии (в Норвегии в 1905 г., в Люксембурге в 1919 г., в Бельгии в 1950 г. и т. д.).

Сейчас есть государства, в которых источниками и носителями власти конституционно провозглашаются нации и одновременно во вла-

⁹ О республиканском характере правления в Союзе писал Георг Еллинек, ссылаясь в том числе на заявления Отто фон Бисмарка, министра-президента Пруссии, фактического объединителя Германии. Указанный автор распространил эту характеристику и на Германскую империю, в которую Союз в дальнейшем преобразовался (Еллинек Г. *Общее учение о государстве*. СПб., 2004. С. 674–676, 678).

сти сохраняются монархи, причем наследственные, а правильное сказать «наследственные обладатели монархических титулов». Это не только такие «развитые» страны как Бельгия, Испания, Швеция и Япония, но и «развивающиеся», к примеру Иордания, Кувейт и Марокко. Власть этих «носителей», как сказано, не сакрализована, порой они даже конституционно объявляются «представителями наций»¹⁰.

Иными словами, элементы республики и монархии легко сочетаемы.

Не была редкостью в мировой практике *диархия* — система правления, предполагающая наличие двух равноправных или неравноправных правителей (наследственных, выборных, назначаемых). В свое время в Спарте было два василевса-архагета (и две династии), в Риме — два консула, в Хазарии правили *бек* и *каган* (отбирался беком из представителем каганского рода) и т. д. Сейчас диархия функционирует только в Свазиленде, где есть король и *нгвеньяма* из рода Дламини и *ндловукази* (королева-мать). Но это не освобождает теоретиков от обязанности осмысливать диархические практики¹¹. Увы, обычно их предпочитают отбрасывать как «всего лишь» частный случай монархии (исключая, понятно, римский консулат). Хотя где же здесь монархия?

3. Очевидно, что в классические представления о монархии и республике не укладывается множество конкретных примеров правления. Из-за этого в историческом, юридическом и политологическом дискурсах происходит перманентная путаница. Самым простым и «невинным» выходом оказываются констатации всевозможных «исключений». Можно было бы сказать, что все они лишь «подтверждают правила». Только их в итоге оказывается настолько много, что от «правил» буквально ничего не остается.

Выход пытались найти и в сведении различий между монархией и республикой к вопросу о срочности правления главы государства: монарх правит бессрочно, а глава республики — в течение установленного срока (а потом или переизбирается, или оставляет пост). Только венецианские *дожи* и нидерландские *стадхаудеры* (по общему правилу до 1747 г.) избирались пожизненно, то есть бессрочно. Так же пожизненно избирается сейчас и иранский *рахбар*. А в Малайзии *янг ди-пертуан агонга* (СМИ иногда называют его «королем») выбирают монархи

¹⁰ «The King [...] shall be the Supreme Representative of the Nation» — гласит ст. 19 Конституции Марокко 1996 г. (<http://www.al-bab.com/maroc/gov/con96.htm>).

¹¹ От диархий нужно отличать *дуумвираты*, то есть формальные, полупоформальные и неформальные соправления при системах правления, по общему правилу предполагающих наличие одного правителя. Здесь я имею в виду не только многочисленные римские, византийские, китайские и пр. прецеденты соправления, но и, например, официальное соправление Уильяма III/II и Мэри II в Англии и Шотландии в 1689–1694 гг., полуофициальное соправление Марии Терезии и Иосифа II в наследственных владениях австрийских Габсбургов (Австрия, Богемия, Венгрия и пр.) в 1765–1780 гг. и т. д.

субъектов федерации¹² сроком на пять лет. Может, стоит объявить Республику Святого Марка и нидерландские республики, а заодно Исламскую Республику Иран монархиями, Малайзию республикой или вновь сослаться на «исключения»? А как тогда быть с многочисленными прецедентами пожизненных президентств¹³? Если серьезно, то вопрос о срочности/бессрочности правления главы государства представляется, мягко говоря, не самым важным.

Еще указывают, что в монархиях игнорируют принцип разделения властей либо соблюдают его в неполном объеме и монархи сочетают законодательные и исполнительные (а иногда и судебные) полномочия. А для республик этот принцип якобы «свят». С этим можно было бы согласиться, если бы принцип разделения властей «исповедовали» Швейцария и социалистические республики — СССР, Китай и пр. И если бы, например, норвежская Конституция не поручала королю только исполнительную власть, а испанская и японская — не помещали «монархов» над всеми ветвями власти.

Я не призываю вовсе отказаться от разделения государств на монархии и республики. Лишь предлагаю признать его, как уже сказано, относительно условным. Да, Францию нельзя назвать монархическим государством, а Бруней республиканским. Однако это предельно «чистые» примеры. А если привести другие, «менее чистые»? На самом деле затруднительно относить к монархиям те же Испанию или Японию, а к республикам — Объединенные Арабские Эмираты и пр. Точнее, отнести можно, но все же непонятно, на каком основании следует говорить о монархии-единовластии применительно к упомянутым национальным государствам. Только потому, что в одном есть наследственный король, а в другом тэнно? И как считать республикой государство, президента которого выбирают семь эмиров? Опять же только потому, что этот глава президент?

По-моему мнению, возможны три подхода. Можно вообще не использовать никакие доктринальные критерии и принимать во внимание только самоопределение государства. Упрощенно, если государство называет себя монархией, так или иначе фиксирует это в своих правовых актах, то оно есть монархия, если называет себя республикой — то республика. Можно сослаться на существование гибридных форм, то есть различных «монархических республик» и «республиканских монархий». Или можно, презюмируя отсутствие единства формальной и фактической организации власти, на основе гибких критериев выделять «фактические монархии» в числе республик и «фактические республики» в числе монархий. Нередко так и поступают, отсюда, например, утверждения о том, что Рим в эпоху принципата был фактической

¹² Семь султанов, один раджа и один *янг ди-пертуан бесар* из своего числа.

¹³ Иосип Броз Тито в Югославии с 1974 по 1980 гг., Хабиб Бургиба в Тунисе с 1975 по 1987 гг., Сапармурат Ниязов в Туркменистане с 1999 по 2006 гг. и т. д.

монархией, а Речь Посполитая – фактической республикой. Есть достаточно причин считать фактической монархией Корейскую Народно-Демократическую Республику, а Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии – фактической республикой и т. д.

Три этих подхода вполне конструктивны, но с научной точки зрения, как говорится, небыстречны. Поэтому все же необходимо выработать альтернативную классификацию форм правления.

К этому подталкивает и несомненная несводимость социалистической республики, исламской республики (в Иране), джамахирии (в Ливии) к «классическим» парламентским, президентским и смешанным республикам. В этой несводимости мы убедимся далее.

Несомненно, новые правила нужно формулировать, основываясь на тщательном анализе всех «исключений» из правил действующих. Исключение же не просто подтверждает правило, оно может и должно выступать источником правила¹⁴.

4. Не претендуя на всеохватность и отказываясь от выделения единого критерия, опираясь исключительно на практику современных государств (но учитывая традицию различения парламентских, президентских и смешанных республик), я предлагаю выделять *девять форм правления*:

- 1) тираническая;
- 2) деспотическая;
- 3) парламентско-правительственная;
- 4) парламентская;
- 5) президентская;
- 6) президентско-парламентская;
- 7) централистская;
- 8) богословская;
- 9) «народная» («государство масс»).

¹⁴ Ильин, также критиковавший традиционное формальное разделение монархий и республик, предпринял попытку найти между ними «более глубокие отличия». Он взялся противопоставлять монархическое правосознание республиканскому, выделяя соответствующие персональные или коллективные «предпочтения». Так, например, он считал, что монархическому правосознанию присущи предпочтения «олицетворения власти и государства народа», а республиканскому – «растворения личного начала и власти в коллективе», что монархисты тяготеют к «мистическому созерцанию верховной власти» а республиканцы – воспринимают ее «утилитарно-рассудочно» и т. д. (Ильин И. А. О монархии и республике. // Ильин И. А. Собрание сочинений. В 10 т. М., 1994. Т. 4. С. 456–544, 617–618).

Отрицать продуктивность ильинского подхода и конкретных выводов невозможно. Монархическое и республиканское правосознание действительно коренным образом различаются. Но их различение *нельзя положить в основу классификации форм правления, формальных моделей организации высшей власти*. Можно только вывести идеальные «формулы» монархии и республики, в которые, однако, не впишется большинство исторических, а тем более современных государственных опытов.

Все формы, за исключением первых двух, предполагают активную субъектность наций и «народный суверенитет». В тираническом государстве они, собственно, не отрицаются, просто «временно ограничиваются». Но противопоставлять деспотические государства всем остальным или объединять все «недеспотические» в одну группу (тип, вид) я считаю излишним, поскольку различия между ними достаточно существенны. Можно разве что объединять в одну группу формы правления, основанные на классических принципах разделения властей и парламентаризма — парламентско-правительственную, президентскую и президентско-парламентскую.

Тираническое государство (тирания). Тираном (греч. «*τύραννος*») с античных времен именуют правителя, получившего власть незаконным путем, захватившего ее. В современном контексте тирания — правление, не основанное ни на традициях, ни на конституционном праве, ни на воле нации, учрежденное и поддерживаемое только силой. Сейчас тираническое правление действует в Мьянме (Бирме) и некоторых других государствах. Современная тирания — почти всегда военная¹⁵. Вся полнота власти в Мьянме принадлежит «самоназначенной» директории, состоящей из военных (Государственному совету мира и развития), ее председатель является главой государства. Она назначает правительство и его главу. Парламента нет. Согласно официальной доктрине, директория готовит нацию к созданию гражданской республики.

Деспотическое государство (деспотия). Напомню, что слово «деспотия» (греч. «*δεσποτία*» — «неограниченная власть») исходно не имело негативного значения. В деспотическом государстве власть имеет, как правило, божественный источник. Она осуществляется наследственным правителем (Бруней, Катар), наследственным правителем и правящим родом (Саудовская Аравия, Оман), несколькими наследственными правителями территориальных образований государства, избирающими из своего числа главного правителя (ОАЭ), выборным правителем (Святой престол), двумя выборными правителями (Свазиленд). С одной стороны, власть правителя (правителей, правящего рода) считается неограниченной или ограниченной в довольно минимальном объеме. Соответственно, парламента, иного представительного органа либо нет, либо его роль незначительна. Правитель (правители) концентрирует в своих руках законодательную и исполнительную власть. С другой стороны, правитель (правители) в любом случае так или иначе ограничен религиозными и правовыми (включая международные) нормами, обы-

¹⁵ В подавляющем большинстве случаев тирания выступала временной формой правления после государственных переворотов, обычно военных (чаще всего в Африке и Латинской Америке). В Мьянме, однако, тираническая система успешно держится уже больше 20 лет. Причем тираническое правление там функционировало еще и в 1962–1974 гг. (позже была конституционно введена централистская система).

чаями, традициями и представлениями о долге правителя. Иначе говоря, в действительности о деспотии в полном смысле слова говорить не приходится. Но я все же полагаю нужным называть такие государства деспотическими. Обычно их относят к «абсолютным» монархиям, однако в некоторых из них нет даже номинального единовластия (ОАЭ, Свазиленд). Это не говоря о том, что *абсолютное* единовластие невозможно¹⁶. Поэтому выбирая между условностью неограниченной власти и условностью абсолютного единовластия правильнее отдать предпочтение первой.

Что касается «дуалистических монархий»¹⁷ (Бахрейн, Бутан, Иордания, Кувейт, Марокко), в которых источниками власти объявлены нации (в Бутане это еще только планируется), но полномочия наследственных правителей остаются весьма значительными, то их надо характеризовать как государства *постдеспотические*. Это, определенно, не отдельная самостоятельная форма правления, а «производная», переходная форма. Переходная скорее относительно парламентско-правительственного правления (в 2007–2008 гг. Непал из постдеспо-

¹⁶ Европейскую «абсолютную» монархию недобросовестные критики-просвещенцы, а затем вторившие им либеральные и левые историки, буквально следуя отдельным, причем выдернутым из контекста, тезисам Бодена (взгляды которого ни в коем случае не следует отождествлять с тогдашними официальными доктринами!), описывали как правление, не связанное законами, как ничем и никем не ограничиваемую власть монарха. Между тем «*monarchia absoluta*» понималась в XVI–XVIII вв. в первую очередь как «*совершенная монархия*», твердая монаршая власть, независимая от внешних инстанций, оформленная и ограниченная в том числе правом, защищающая государство от угроз рецидивов феодальной вольницы, религиозных войн и т. д.

На сегодняшний день можно считать доказанным, что в «людовиковской» Франции, обычно выставляемой образцом европейской «абсолютной» монархии, эталоном «*абсолютизма*», королевская власть была достаточно ограничена и не на какую «абсолютность» не претендовала и что «миф абсолютизма» изначально сложили английские пропагандисты XVII в., стремившимися всячески очернить французскую политическую систему и возвысить свою родную, на деле до Славной революции 1688 гг. не слишком уж и отличающуюся (см. подробнее: Хеншел Н. Миф абсолютизма. Перемены в преемственности развития западноевропейской монархии раннего Нового времени. М., 2003. С. 226–231 и др.).

¹⁷ «Дуалистическая монархия» — это, если угодно, «двойственное единовластие». Как *единовластие* может быть *двойственным*, полагаю, следовало бы спросить у тех, кто ввел это понятие в науку, и тех, кто его употребляет. Сторонникам деления форм правления на монархическую и республиканскую следовало бы, по моему, отказаться от использования понятия ограниченной монархии в качестве родового, относить к ограниченным только те монархии, которые сейчас называют «дуалистическими» и выделять три вида монархического правления: абсолютное, ограниченное и парламентское.

Впрочем, рассуждения об «ограниченном единовластии» и тем более «парламентском единовластии» тоже весьма сомнительны. Самый правильный выход, похоже, рассматривать монархию как вид деспотии и *вовсе отказаться от выделения «абсолютных», ограниченных и пр. монархических форм.*

тического государства стал парламентско-правительственным). Хотя, вероятно, будут реализовываться и другие сценарии¹⁸.

Парламентско-правительственное государство. В таком государстве власть исходит от нации, правление основано на принципах разделения властей и парламентаризма. Верховенством в системе власти обладает парламент, целиком или частично избираемый гражданами на прямых выборах, и правительство. Глава государства — либо наследственный или выборный «конституционный монарх» (Испания, Малайзия, Нидерланды, Таиланд, Япония), либо должностное лицо, избираемое парламентом (Греция, Израиль, Турция), специально образуемой коллегией (в Германии президента избирает Федеральное Собрание, состоящее из членов Бундестага и делегатов ландтагов, в Индии — коллегия выборщиков, состоящая из выборных членов Парламента и законодательных собраний штатов, в Италии главу государства выбирают на совместном заседании обеих палат парламента, в котором участвуют делегаты от областных ассамблей) или гражданами (Австрия, Литва). Формальным главой исполнительной власти является либо глава государства (Индия), либо глава правительства (Япония). Последний всегда выступает реальным главой государства и исполнительной власти. Глава государства в обязательном порядке назначает главой правительства лидера партии или партийной коалиции, имеющей парламентское большинство. Правительство формируется из представителей партии или коалиции, имеющей парламентское большинство. Данные правила прописываются нормативно или не прописываются, но логически выводятся из конституционных положений об ответственности правительства перед парламентом, о парламентском доверии правительству как обязательном условии его работы. За выборами нового состава парламента или палаты парламента, избираемой на прямых выборах, следует формирование нового правительства. В случае утраты доверия парламента правительству надлежит уйти в отставку. Глава государства не имеет права самостоятельно отставлять правительство. Но может распускать парламент или одну из его палат в особых случаях (в том числе по просьбе главы правительства). Парламент же может отстранять избранного главу государства или даже наследственного опять же в особых случаях.

В Соединенном Королевстве, именуемом «колыбелью парламентаризма» и «классической парламентской монархией», сохраняются серьезные «номинальные» пережитки деспотизма. Британская нация на конституционном уровне не заявляется источником и носителем власти. Конституция как единый письменный правовой акт вообще отсутствует (что есть абсолютный нонсенс). Наследственный король (коро-

¹⁸ В Камбодже в 1960 г. после смерти короля Нородома Сурамарита его сын и преемник Нородом Сианук не стал короноваться и организовал «под себя» всенародные выборы главы государства.

лева) — не просто глава государства и исполнительной власти, у него есть и законодательные и судебные prerogatives. Более того, считается, что власть исходит от *короля (королевы)-в-Парламенте* и *короля (королевы)-в-Совете*¹⁹. Парламент состоит из монарха и двух палат, при этом Палата лордов (большая часть мест в которой до недавнего времени передавалась по наследству) осуществляет не только законодательные, но и судебные полномочия и т.д. Таким образом о разделении властей в современном понимании применительно к Соединенному Королевству говорить нельзя²⁰. Тем не менее «по совокупности признаков» данное государство следует относить именно к парламентско-правительственным. Это как раз тот случай, когда исключение подтверждает правило, более того, когда исключение объясняет правило. Ведь на практике монарх либо делегирует осуществление своих полномочий премьер-министру и министрам, ответственным перед Палатой общин, другим высшим чиновникам, либо действует по их рекомендациям и т.д.

Парламентское государство. Единственным таким national state является Швейцария. Ее государственный опыт довольно оригинален и явно не сводим к особой форме парламентской республики или, пользуясь моей терминологией, парламентско-правительственного государства. Разделению законодательной и исполнительной властей в Швейцарии предпочли их «органическое слияние». Верховная власть осуществляется двухпалатным парламентом (Союзным Собранием). Он избирает из числа швейцарских граждан директорию (Союзный Совет), выступающую одновременно «коллективным главой государства» («коллективным президентом») и правительством, функционирующую на основе коллегиального принципа. Согласно правовому обычаю, места в директории распределяются между парламентскими партиями пропорционально количеству имеющихся у них депутатских мандатов. Также соблюдается конституционное требование равного представительства в директории языковых регионов. Директория несет ответственность перед парламентом. Хотя в швейцарской Конституции прямо не предусмотрено право парламента распускать директорию или отрешать ее членов. Роспуск парламента или его палат в ней тоже не предусмотрен.

Президентское государство. Его образцами нужно назвать Российскую Федерацию и США. Президентскими являются многие африканские и латиноамериканские государства. В президентском государстве власть также исходит от нации и также провозглашаются принципы разделе-

¹⁹ Тайный совет призван помогать королю (королеве) осуществлять его законодательные, исполнительные и судебные функции. В настоящее время это в основном церемониальный орган, но все же стоит отметить, что формально монарх принимает многие решения по рекомендации Совета (реально — премьер-министра и министров), они оформляются как приказы-в-Совете и т.д. Кабинет является одним из комитетов Совета.

²⁰ Хотя сама теория разделения властей была сформулирована Локком и Монтескье на основе специфической интерпретации английского опыта.

ния властей и парламентаризма. Только верховенством в системе власти обладает глава государства, одновременно возглавляющий исполнительную власть (обычно называемый президентом). Он избирается на выборах — прямых или косвенных (в США президента избирает специальная коллегия выборщиков). Глава государства формирует правительство и возглавляет его (США), либо назначает главу правительства и формирует правительство вместе с ним (Россия). Правительство несет ответственность только перед главой государства. Парламент, целиком или частично избираемый на прямых выборах, может участвовать в формировании правительства, также может иметь право выносить вотум недоверия правительству (но это не влечет его отставку) и /или инициировать процедуру отстранения главы государства в особых случаях. Глава государства в свою очередь может иметь право роспуска парламента или одной из его палат также в особых случаях.

Президентско-парламентское государство. Такое национальное государство характеризуется дуализмом главы государства (президента), избираемого на прямых выборах, и парламента, целиком или частично избираемого на прямых выборах. Главой исполнительной власти может быть как глава государства (Франция, Польша), так и назначаемый им глава правительства (Украина). Глава государства имеет право самостоятельно назначить главу правительства, но реализовать его на практике может лишь при наличии лояльного парламентского большинства, поскольку парламент правомочен выносить правительству вотум недоверия; в противном случае ему приходится назначать выдвиженца парламента (Франция). Либо глава государства имеет право самостоятельно назначить главу правительства, а тот в свою очередь обязан заручиться вотумом доверия у парламента, то есть опять-таки глава государства не может реализовать свое право в полной мере без лояльного парламентского большинства (Польша). Либо глава государства нормативно обязан назначить выдвиженца парламента, то есть парламентского большинства (Украина). Формирование правительства производится главой государства по представлению главы правительства (Франция, Польша) или парламентом опять же по представлению главы правительства и с участием главы государства (Украина). Правительство, соответственно, несет ответственность одновременно перед главой государства и парламентом. Выражение парламентом вотума недоверия правительству влечет его отставку. Глава государства имеет право отставить правительство (Франция) или не имеет (Польша, Украина). Парламент может отстранить главу государства (либо приостановить его полномочия до судебного решения), а тот вправе распустить парламент в особых случаях. Определенно, следует выделять президентско-парламентскую («французскую») и парламентско-президентскую («украинскую») субформы президентско-парламентского правления. Тем более что принято деление на президентско-парламентские и парламентско-президентские республики. Дуализм в президентско-парламентском

государстве задает предпосылки для двоевластия. Причем двоевластия даже не главы государства и парламента, а главы государства и главы правительства²¹. В этой связи допустимо говорить о *президентско-правительственном* государстве.

Централистское государство. Источником и носителем власти в таком государстве тоже провозглашается нация. Но разделение властей и парламентаризм отвергаются, в основу правления закладывается принцип централизма («демократического централизма»)²². Высшим органом власти выступает национальное представительное собрание, избираемое посредством прямых (Вьетнам, Северная Корея, Куба, Лаос) или косвенных выборов (Китай). Национальное представительное собрание либо избирает свой постоянный орган, главу государства и формирует правительство (Китай, Вьетнам). Либо избирает свой постоянный орган и его председателя, одновременно являющегося главой государства и правительства, и формирует правительство (Куба). Либо избирает свой постоянный орган и его председателя, еще один высший орган власти и его председателя и формирует правительство (Северная Корея²³). Либо избирает свой постоянный орган, главу государства, входящего в состав этого органа и с согласия собрания назначающего главу и членов правительства (Лаос). Должностные лица, избранные или назначенные национальным представительным собранием несут перед ним ответственность и могут быть им отстранены. Роспуск национального представительного собрания не предусматривается.

Главенствующую роль в централистском государстве играет правящая партия коммунистического толка, фактически составляющая часть государственного аппарата, руководство ею и государством обычно совмещается в одних руках. Создание других партий либо не допускается, либо они образуют постоянную коалицию вместе с правящей партией.

Богословское государство. Такое государство в мире тоже только одно – Иран. Источником власти в нем конституционно провозглашен бог. Нация реализует данное богом право на политическую власть. Правление основано на принципе «*веляят-е факих*» («власть факиха»,

²¹ Развитие политической ситуации на Украине в 2006–2009 гг. это исчерпывающе подтверждает.

²² Историческим предшественником централистских моделей правления были французские государственные опыты революционных периодов 1792–1795 гг. (после свержения короля вся полнота власти перешла к Национальному конвенту) и 1871 г. (после поражения Франции в войне с Пруссией и ее союзниками и отречения Наполеона III произошла очередная революция и в столице установилось правление т. н. Парижской коммуны).

²³ Покойный президент Ким Ир Сен конституционно провозглашен «вечным президентом», его сын и преемник Ким Чен Ир возглавляет Государственный комитет обороны, не будучи главой государства формально, он реально выполняет его функции.

факих — мусульманский богослов-законовед)²⁴, также признаются принципы разделения властей и парламентаризма, впрочем, в заведомо ограниченном объеме. Глава государства (рахбар) избирается из числа авторитетных шиитских факихов специальной коллегией (Советом экспертов), члены которой в свою очередь избираются на прямых выборах из числа религиозно-политических и политических лидеров. Эта коллегия полномочна и смещать главу государства в особых случаях, он сам распустить ее не вправе. Парламент (Исламский консультативный совет) избирается на прямых выборах и не может быть никем распущен, во всяком случае Конституция этого не предусматривает. Принятые законы подлежат одобрению законодательно-контрольного органа (Совета стражей Конституции), члены которого на паритетных началах назначаются главой государства и избираются парламентом. Глава исполнительной власти (президент) избирается на прямых выборах, избрание подтверждается главой государства. После формирования правительства до начала его работы глава исполнительной власти должен получать вотум доверия парламента. Глава исполнительной власти несет ответственность перед главой государства и парламентом; последний может вынести вотум недоверия правительству, а также инициировать отстранение главы исполнительной власти, при этом окончательное решение по данному вопросу принимается главой государства.

«Народное» государство («государство масс», джамахирия). Опыт создания такого государства также уникален. Но и его не следует игнорировать. В Ливии (Великой Социалистической Народной Ливийской Арабской Джамахирии) отвергаются не только разделение властей и парламентаризм, но и «народное представительство». Источник власти — бог²⁵, но принципиально не это. Страна попыталась максимально приблизиться к анархии в академическом понимании этого слова. Нация («массы») там правит «непосредственно». Все взрослое население страны участвует в местных народных собраниях (первичных народных конгрессах). Они выбирают свои секретариаты и местные исполнительные органы (народные комитеты). Из членов секретариатов местных собраний, местных исполнительных органов, а также членов секретариатов провинциальных профессиональных объединений формируются про-

²⁴ Рухолла Хомейни, лидер Исламской революции 1979 г., ставший первым рахбаром учил, ссылаясь на один из хадисов, что факихи суть повелители правителей и правители, повинующиеся исламу, должны получать указания от факихов. Поэтому истинными правителями являются факихи. Поэтому во главе государства должны находиться именно они, а не деятели, не знающие божественных законов и вынужденные получать указания от факихов (http://www.wilayah.org/langs/ru/index.php?p=leader_imam).

²⁵ Впрочем, вопрос об источнике власти в джамахирии можно считать в известной степени дискуссионным, поскольку в Декларации об установлении власти народа («Декларации Себхи») 1977 г. говорится, с одной стороны, что конституцией джамахирии является Коран, а с другой, что народ есть суверенный источник власти.

винциальные собрания (провинциальные народные конгрессы). Те также выбирают свои секретариаты и провинциальные исполнительные органы (провинциальные народные комитеты). Властная система замыкается национальным собранием (Всеобщим народным конгрессом), образуемым из членов секретариатов нижестоящих собраний, исполнительных органов, секретариатов национальных профессиональных объединений и пр. Национальное собрание избирает национальный исполнительный орган (Всеобщий народный комитет), выступающим специфическим аналогом правительства. У национального собрания и национального исполнительного органа есть руководители, но они не возглавляют государство. Поскольку, повторюсь, «народное представительство» отрицается, нация правит непосредственно. «Народность» дополнительно поддерживается регулярными ротациями.

Впрочем, функции главы государства и исполнительной власти по факту выполняет «*лидер революции*» (Муаммар аль-Каддафи), никем не назначавшийся и не избиравшийся, никому не подотчетный. Он руководит внешней политикой, командует вооруженными силами, а также контролирует все мало-мальски важные выборы и назначения. Его директивы обязательны для исполнения и т.д.

Обсуждать какие из перечисленных форм правления «прогрессивные», а какие «архаичные», тем более какие «правильные» и какие «неправильные» совершенно бессмысленно. Теоретикам следует изучать и описывать формы и конкретные модели правления, а не давать им какие-то качественные оценки. А если же рассуждать с «политической» точки зрения, то понятно, что практически везде при необходимости можно отыскать изъяны и пороки. Равно как и достоинства и преимущества. В данном вопросе, полагаю, лучше быть последовательным релятивистом.

Предложенная классификация не учитывает всего многообразия мирового государственного опыта. И, как уже сказано, я сознательно сконцентрировался только на современности, исключив исторические прецеденты. Это тема отдельного большого исследования, которое ждет своих авторов. Но *в любом случае деление форм правления только на монархические и республиканские не может удовлетворять ни научным, ни практическим потребностям*. Поэтому новая «всеобщая» классификация обязательно появится.

Форма режима

1. Эвристический потенциал понятия режима (политического режима, порядка, строя) состоит в раскрытии и описании фактической организации власти, упрощенно говоря, в ответах на вопрос кто и как реально правит государством, кто и как реально властвует. Через понятие режима определяются реальные властные субъекты и система их взаимоотношений между собой и с нацией.

Классификаций политических режимов предложено довольно много. Но вполне допустимо выделить определенный мейнстрим, который заключается в разделении режимов на *демократические* и *недемократические* – авторитарные, тоталитарные. Демократия, согласно хрестоматийному определению Авраама Линкольна, есть «government of the people, by the people, for the people». Следовательно, при демократическом режиме *самовластвует нация* (или же – в порядке исключения – самовластвует нация и властвует «ограниченный» ею «монарх»). Обычно констатируется, что нация властвует через своих представителей, избранных на выборах и непосредственно. По аналогии сущность недемократических режимов можно определить как *властвование над нацией* отдельных персоналий и / или групп и их представителей. Вероятно, их также можно называть *гегемоническими*.

Часто утверждают, что *если у нации есть возможность сменить власть (правителя, правителей, правящую партию) посредством легальной выборной процедуры, то режим демократический*. Если нет, то недемократический. Но считать ли возможностью смены власти *возможность выбора между несколькими, а то и вовсе двумя партиями, конкурирующими между собой, но одновременно сообща олигополизирующими или диаполизирующими политическое пространство?* С другой стороны, оправдано ли отказываться в демократичности режимам, *ограничивающим политическую конкуренцию, но опирающимся на подлинную поддержку нации, регулярно подтверждаемую на выборах?* Ответы на эти и подобные вопросы, как правило, сильно различаются в зависимости от политических убеждений отвечающих...

Абсолютное большинство современных государств официально заявляют себя демократическими или идущими по пути демократизации. Характеристики политических режимов нередко приводятся в конституциях или заменяющих их актах. Так, в Конституции России наше государство прямо названо демократическим (ч. 1 ст. 1).

Исключение составляют несколько «абсолютных» монархий, или, если пользоваться ранее предложенной терминологией, деспотических государств (Бруней, Катар, Оман и др.). Однако среди политологов и правоведов либерального толка также принято отрицать или по крайней мере ставить под сомнение демократичность любых режимов, хоть чем-то заметно отличающихся от западных либерально-демократических режимов (также для отдельных случаев используют понятия «нелиберальная демократия», «делегативная демократия», «управляемая демократия», «авторитарная демократия»). Содержательная дискуссия здесь затруднена, учитывая глубину идеологизированности и политизированности вопроса. Впрочем, нельзя не согласиться с тем, что отнюдь не любой режим, заявляемый как демократический, действительно является таковым, независимо от того, как понимать демократию.

2. Необходимо четко отделять современную демократию от исторической, классической, то есть античной демократии.

Античная демократия – это политический режим, функционировавший в некоторых древнегреческих городских республиках. «Эталонным образцом» на все времена стал режим, действовавший в Афинской республике в V–IV вв. до н. э. Хотя сами греки, не знавшие, естественно, понятий республики и режима, считали демократию *отдельной формой правления*. Демократическая теория и практика описана, причем, мягко говоря, без особых симпатий, несколькими великими философами и историками, включая Аристотеля Стагирита²⁶.

В Афинах был именно демократический политический режим, классическая демократия. Это не значит, что там властвовал народ и его представители. Это значит то, что были созданы институциональные и практические условия для того, чтобы каждый желающий гражданин мог реально участвовать во власти (большинство должностей распределялось по жребию, каждый гражданин имел право свободно высказываться на народном собрании и пр.). И все, кто желал, действительно участвовали. Как могли и как умели.

Опыт Афин показывает, что античная демократия власти возможны и допустимы при совпадении целого ряда условий:

- 1) ограниченной территории;
- 2) ограниченной численности народонаселения и, конечно, собственно граждан;
- 3) относительно развитой культуры, в том числе политической, способствующей формированию этнической и гражданской солидарности²⁷;
- 4) относительно незначительного социального неравенства (дополнительно смягчавшегося регулярными раздачами);
- 5) наличия у граждан достаточно времени для участия в политическом процессе и государственном управлении (это обеспечивалось рабовладением, частным и государственным и введения оплаты за исполнение государственных должностей, участия в народном собрании).

При увеличении территории государства, численности народонаселения, дифференциации социальной структуры и пр. *становится невозможно обеспечивать доступ во власть всем желающим*. Это не говоря о том, что в тех же Афинах демократия была отнюдь не всегда. Классическая демократия уже много веков реализуема лишь при организации самоуправления на уровне устойчивых общин, коммун и пр. (определенные фрагментарные «рецидивы», правда, имели место в средневековых республиках Италии, Руси, Швейцарии и пр.).

²⁶ Аристотель. Афинская полития // Аристотель. Политика. Афинская полития. М. 1997. С. 271–346.

²⁷ Афиняне, выражаясь современным языком, были исключительными «националистами».

*

3–1. Современная демократия, как вполне справедливо указывает Манен, возникла «из политической системы, которую ее основатели считали противоположностью демократии»²⁸.

Так, большинство идеологов и лидеров Американской революции 1775–1783 гг., основателей США именовали свой государственный проект «республиканским». И так или иначе противопоставляли его «бесчинствовавшим» демократиям античности. Пожалуй, яснее всех выразился Джеймс Мэдисон, один из авторов Конституции 1787 г., четвертый президент США (1809–1817 гг.). Он, к примеру, писал, что «при демократии народ собирается купно и осуществляет правление лично, тогда как в республике съезжаются и управляют страной его представители и уполномоченные на то лица»²⁹ и американское правление отличается от античного «полным исключением народа, который представляется общенародным собранием (выделено Мэдисоном. — В. И.), из участия в правлении»³⁰. Конечно, Мэдисон преувеличил значение афинской эkkлeсии и пр., но один из изначальных принципов американской модели изложил исчерпывающе.

Не удивительно, что в американской Конституции слово «демократия» не встречается ни разу.

Тем не менее в последующие века США стала «Empire of Democracy», а их политический опыт — чуть ли не «эталоном демократии». И сегодня мы именуем «демократией» совсем не то, что под этим словом имели в виду древние греки, то есть не прямое народное правление, и сегорию, жребий и пр. И не то, что в тех же Афинах на самом деле было отлажено и дольше века с переменным успехом функционировало, то есть не широкий доступ к власти. Современные государства гораздо «сложнее» античных и поэтому в них не может быть той, классической демократии. Формальное представительство обречено быть узким, власть распределяется между абсолютным меньшинством. Почему же, на каком основании мы называем «демократией» «не-демократию»?

Современная демократия предоставляет всем гражданам, а значит каждому желающему гражданину равные права участвовать в политике и управлении государством. Иными словами, как минимум, равные права свободно обсуждать государственные дела и в публичном порядке признавать либо не признавать власть, выражать согласие либо несогласие с государственным курсом, с лидерами, руководителями, чиновниками его осуществляющими (конечное решение определяется по принципу большинства). И благодаря современной демократии каждый имеет хотя бы теоретическую возможность добиваться и добиться

²⁸ Манен Б. Принципы представительного правления. СПб., 2008. С. 9.

²⁹ Федералист № 14 // Федералист. Политические эссе Александра Гамильтона, Джеймса Мэдисона и Джона Джея. М., 2000. С. 104.

³⁰ Федералист № 63 [62] // Федералист. С. 420.

учета государством своих интересов и мнений. В свою очередь лидеров, политическое руководство, государственный аппарат в целом современная демократия прямо обязует опираться на признание и согласие народонаселения. Все это давала и классическая демократия. Но она, как уже говорилось, создавала также условия и для того, чтобы каждый желающий мог участвовать во власти. Современная демократия начисто исключает подобное. Что бы где (и кем) не утверждалось.

3–2. Современная демократия есть комплекс правовых и политических институтов и практик, обеспечивающих гражданам политические и смежные права и свободы, включая право открыто обсуждать государственные дела и право участвовать в политической деятельности и непосредственно управлении государством, а также учет их интересов и мнений при принятии и реализации государственных решений³¹.

Совершенно очевидно, что форматы демократических институтов и практик, в частности пределы и объемы соответствующих прав и свобод (свободы совести, свободы слова и пр.), непосредственно зависят от национальной политической культуры, а та производна от исторической, религиозной, этнической и пр. специфики. Любые демократические «стандарты» условны (тем более, что зачастую их используют в пропаганде и PR для дискредитации отдельных государств, режимов и правителей).

Демократичность политического режима определяется в первую очередь институционализированной ограниченностью власти волей нации, зависимостью властвующих от признания и согласия подвластных, некоей ответственностью властвующих перед подвластным. Это в наши дни непременно предполагает:

1) организацию власти на выборных началах целиком или преимущественно (здесь имеются в виду ограниченные наследственные «монархии»), а также по общему правилу возможность вынесения проектов государственных решений на референдумы;

2) всеобщее равное избирательное право и право на участие в референдумах или же по крайней мере отказ от цензов — расового, этнического, религиозного, гендерного, сословного, имущественного, партийного («однопартийного»);

3) регулярное проведение выборов;

4) относительную транспарентность выборов и референдумов, репрезентативность и достоверность их результатов;

³¹ Одно из самых адекватных определений демократии (современной демократии) содержится в Словаре современного китайского языка (Пекин, 1997. С. 884): «Демократия указывает на то, что народ участвует в делах государства, либо на то, что народ имеет право свободно высказывать свое мнение по отношению к государственным делам». (Цит. по: Концепции и определения демократии. Антология / Под ред. А. В. Фененко. М., 2006. С. 212).

5) *заведомое объявление невыборной и неизбранной власти незаконной и нелегитимной* (разумеется, это не распространяется на ограниченных наследственных «монархов», впрочем, их легитимность может фиксироваться референдумами);

6) наличие институтов, независимых или хотя бы автономных от власти, транслирующих общественные настроения, агрегирующих запросы граждан, оценивающих деятельность власти (средства массовой информации, общественные объединения, экспертные и социологические центры и пр.);

7) национальную солидарность и национальный консенсус о ценностях и целях, обеспечиваемых распространением патриотизма и национализма.

Когда власть принципиально независима от наций, совершенно неответственна перед нею либо когда не соблюдаются какие-то из приведенных выше условий, политический режим нужно характеризовать как недемократический, и, скорее всего, гегемонический. Все остальное вторично или относится к сугубо «декоративным» элементам институционального дизайна. *Демократические выборы отнюдь не обязательно должны быть прямыми, а тем более альтернативными, конкурентными и т. д.* Косвенные выборы вполне обеспечивают демократичность власти. И выборы, на которых избиратель вправе выбрать между поддержкой действующей власти и протестом — тоже, безусловно, демократические. Если, конечно, соблюдаются все прочие перечисленные условия.

Конкуренция, тем более публичная (а также свобода средств массовой информации, свобода создания партийных и иных политических объединений и пр.) — вовсе не главная и не универсальная демократическая ценность. Для многих политических культур — азиатских, евразийских (с исламскими, конфуцианскими, буддистскими корнями), а также российской важнее единство и целостность власти, стабильность, гармония, лояльность. Искусственное внедрение западных конкурентных институтов и практик может пройти более-менее успешно и закончиться частичным, но значительным изменением политической культуры (как в Турции или Индии). А может вызвать сильное отторжение. Наш отечественный опыт это исчерпывающе подтвердил.

3–3. Современные демократии начали складываться в европейских и американских странах в конце XVIII–XIX вв. (где-то, например в Швейцарии и Англии, даже немного раньше), когда просвещение дискредитировало христианство, десакрализовывало власть и девальвировало церковный авторитет, когда промышленная революция трансформировала аграрное общество в индустриальное, когда разрушали постфеодальные социальные иерархии, когда при развившемся и укрепившемся капитализме буржуазия стала добиваться власти, когда неуклонно расширялся доступ к образованию и культуре и сокращалась социальная и культурная дистанция между преимущественно

аристократической элитой и «простыми людьми», когда постепенно внедрялась идея *равенства*, наконец, когда формировались *нации* – как общности индивидов, основанные на языковой, культурной и исторической самоидентификации и как потенциальные электоральные коллективы. «Nation Building» сопровождался широким распространением доктрин, не просто провозглашавших политическую субъектность наций, но объявлявших их *единственным* источником государственной власти и носителем суверенитета, буквально помещающих нации на место божества («нациоцентризм»). Идея нации заново собирала общество после слома традиционных иерархий и заново легитимировала секуляризированное государство. Запустился процесс революционной и /или реформаторской модернизации, на выходе стали получаться государства-нации, национальные государства. Впоследствии державы и всевозможные «борцы за свободу» стали стимулировать формирование государств-наций, появились «искусственные» государства и «искусственные» нации (в Центральной и Восточной Европе, Азии, Африке), какие-то из них оказались жизнеспособными, какие-то нет. В XX в. «ненациональное» государство стало восприниматься как архаика и экзотика³².

Иными словами, современная демократия «выросла» из национального государства. Не могла не «вырасти».

Поскольку нация заявляется субъектом и даже источником власти, то и составляющие ее граждане тоже должны считаться властными субъектами и даже в некотором смысле источниками, а значит, им положены политические права и свободы. Следование этой логике приводит к необходимости строительства демократических институтов и внедрения демократических практик. Поначалу нации делили цензуры, дискриминировали женщин, бедняков, иноверцев и пр., поначалу считали, что представителями наций (депутатами парламентов, выборными чиновниками) могут быть лишь состоятельные граждане. Постепенно пришло понимание, что *подлинная нация немислима без всеобщего формального равенства*, что «доступ к демократии» должен быть *максимально широким или демократии попросту не получится*. Всеобщее избирательное право утвердилось далеко не сразу, многие десятилетия его понимали в лучшем случае как всеобщее избирательное право мужчин. Но, как принято говорить, прогресс не остановишь, надо только начать. В Декларации прав человека и гражданина, принятой французским Национальным учредительным собранием 26 августа 1789 г. говорилось: «Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах. Обще-

³² Разумеется, национализм нельзя понимать исключительно «этнически». СССР тоже был государством-нацией – государством «советского народа», «советских людей», строящих коммунизм. А вернее будет сказать, что предпринималась попытка создать советскую нацию. Это удалось лишь частично.

Советскую национальную идеологию можно назвать «*интернациональным национализмом*».

ственные различия могут основываться лишь на общей пользе» (ст.1). Соображения «общей пользы» заставляли вводить, а затем снимать цензовые ограничения и т.п. В XX в. тренд к максимальному расширению избирательного права стал всеобщим. «Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах», — сказано во Всеобщей декларации прав человека, провозглашенной Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. «Все» — означает все. На то, чтобы осознать это понадобилось всего примерно 150 лет.

Ключевую роль в утверждении современной демократии сыграл повсеместный неуклонный рост численности народонаселения. А также потребность максимально использовать его потенциал при ужесточении глобальной конкуренции в индустриальную эпоху, обеспечивать мобилизации во время кризисов и войн и т.д. После Первой мировой войны стало окончательно понятно, что без демократии в том или ином виде либо более-менее убедительной имитации демократии крайне затруднительно властвовать над «массами», организовывать и контролировать их.

Это актуально и в нашу постиндустриальную эпоху, что бы ни говорили проповедники реставрации цензов (как либерального, так и антилиберального толка).

3–4.

Итак, в действительности, в реальности провозглашение нации источником и носителем власти не делает ее ни носителем, ни тем более источником.

Нация не «самовластвует», она вообще не способна властвовать. Уже хотя бы потому, что ее «много». И граждане к тому же в массе некомпетентны, пассивны и равнодушны к политической деятельности и своим правам. Властвуют над нацией. Всегда властвуют над нацией. Либо властвуют демократически, то есть властвуют, добившись признания и согласия нации, выраженных на выборах и референдумах, властвуют, учитывая мнения нации. Либо недемократически, гегемонически. Современная демократия призвана делать процесс властвования более-менее согласованным и, если угодно, комфортным.

Активное избирательное право — это не власть и не право на власть, это право признавать власть и соглашаться с нею.

Нация вправе отказать в признании власти, не согласится с нею. Нация вправе отозвать свое признание и согласие. Нация, если есть таковая возможность, вправе выбрать из некоего количества претендентов (политиков, партий, коалиций и пр.) на власть.

Нация может утверждать предложенные ей решения, может выбирать из нескольких вариантов решения, может даже выбирать тех, кто будет предлагать ей решения и /или принимать их от ее имени.

Но при этом позиция нации формируется под влияниями разной степени конструктивности, ею перманентно манипулируют. И главное,

нация не определяет из кого и из чего ей придется выбирать и как и когда выбирать. В этом смысле *современная демократия – непременно управляемая*.

Формулировки, вроде «власть принадлежит народу», «народ взял власть», «нацию лишили власти», если только они осознанно не используются в пропагандистских и иных подобных целях, бессодержательны и бессмысленны. Вместе с тем зависимость власти от воли нации, пусть и управляемой (самой властью, претендентами на власть и прю), для практики, да и для теории значит больше, чем книжный фантом «народного суверенитета».

Таким образом, *современная демократия есть только составной элемент политического режима*. Пусть довольно важный, но не единственный и не обязательный. Его наличие или отсутствие позволяет дать режиму соответствующую характеристику. Существенную характеристику. Не менее, но и не более.

4. Разговор о демократии автоматически выводит к ее якобы полной противоположности – *автократии, монархии*, неограниченного или малоограниченного единоличного властвования правителя (соправителей³³)

Считается, что самовластие непременно устанавливается при «абсолютной» монархии, но может быть установлено и при других моделях правления. На деле даже при поверхностном изучении опыта древних и средневековых восточных деспотий, европейских «абсолютистских» королевств XVI–XVIII вв. или современных азиатских монархий бросается в глаза вопиющее противоречие между декларациями о концентрации всей полноты власти, порой даже духовной, в руках монархов и практикой распределения властных полномочий и ресурсов внутри политической элиты (аристократии, высшей бюрократии, высшего духовенства

³³ Прецедентов соправления (дуумвиратов, триумвиратов, квадриумвиратов) – официального, полуофициального или неофициального распределения функций правителя между двумя (и даже тремя и более) персоналиями – в мировой истории довольно много.

Соправление не всегда предполагает равноправие соправителей, равенство их формальных и неформальных статусов. Один из них может быть «старшим», а другой «младшим».

Из отечественной истории следует привести примеры официального соправления Ивана III Великого и его сына и наследника Ивана Молодого в 1470–1490 гг., Михаила (первого Романова) и его отца Патриарха Филарета в 1619–1633 гг.; и неофициального – Екатерины II Великой и светлейшего князя Григория Потемкина (по некоторым сведениям ее морганатического супруга) в 1775–1791 гг., Александра I Благоденного и графа Алексея Аракчеева в 1815–1825 гг., а также триумвирата Леонида Брежнева, Алексея Косыгина и Николая Подгорного (на расширение которого до квадриумвирата претендовал Александр Шелепин) в 1960–1970 гг.

Соправлением стала и совместная работа Владимира Путина и Дмитрия Медведева (полуофициально заявляется об их «*тандеме*», лично я больше предпочитаю термин «*двоецарствие*»).

и т.д.). Правитель мог быть господином жизни и смерти всех своих подданных, мог иметь самые широкие права для того, чтобы «ротировать» элиту. Но ни один правитель никогда не мог властвовать действительно единолично. Разве только в глубокой древности в примитивных и компактных городах-государствах. Да и это довольно сомнительно. *Править всем и всеми одному не под силу.* Властвование имеет естественные пределы. Правитель всего лишь человек, ограниченный в своих физических и интеллектуальных возможностях и нуждающийся как минимум в помощниках. Поэтому помимо правителя (соправителей), помимо властителя-самовластителя всегда есть *другие правящие, другие властвующие.* И совокупная власть этих правящих, этих властвующих зачастую превосходит власть правителя. Можно заявлять (и нередко заявляется) о производности их власти от власти правителя, но что от этого изменится практически?

Разумеется, сказанное в еще большей мере распространяется на республиканские автократии.

Мне представляется, что автократию нужно рассматривать по аналогии с демократией, во-первых, как комплекс политических и правовых институтов и практик, обеспечивающих видимое доминирование и реальное первенство правителя во властной системе, его определенную автономию от прочих правящих и, как следствие, персонализацию режима. Причем имеется в виду доминирование, первенство и пр. правителя фактического. Формальный правитель — занимающий трон, президентский или премьерский пост и пр. отнюдь не обязательно фактический правитель. (Выдвижению фактического правителя не может помешать установление системы правления, не предполагающей наличия главы государства, то есть единого формального правителя или не предусматривающей концентрации в руках главы государства ключевых полномочий³⁴.)

И следовательно, во-вторых, как составной элемент режима, также важный, существенно важный, но не единственный и не обязательный. Автократия, во всяком случае в относительно мягких формах, легко совместима с демократией. Более того, поддержка правителя нацией может как раз выступать основой его автономии, задавать его первенство и доминирование³⁵. Демократическо-автократическими были, например, режимы в Турции при Мустафе Кемале (Ататюр-

³⁴ Речь идет в первую очередь о государствах с централистскими системами правления. Иосиф Сталин никогда не был формальным главой СССР. У Советского государства был «коллективный глава» — Президиум Центрального исполнительного комитета (ЦИК), а затем Президиум Верховного Совета. Сталин в их состав не входил. Он возглавлял правительство — Совет народных комиссаров, Совет министров (и то лишь в 1941–1953 гг.). Мао Цзедун официально правил КНР в 1949–1959 гг. (в 1949–1954 гг. будучи председателем Центрального народного правительства, в 1954–1959 гг. будучи президент), а фактически — до своей смерти 1976 г. и т.д.

³⁵ Как тут не вспомнить теорию «плебисцитарной демократии», восходящую к Максиму Веберу, который считал, что харизматический лидер, опирающийся на демократическое волеизъявление, способен ограничивать произвол бюрократии.

ке) в 1923–1938 гг., во Франции при Шарле де Голле в 1958–1969 гг. или в Аргентине при Хуане Доминго Пероне в 1946–1955 гг. Нынешний российский режим тоже демократическо-автократический.

Политологи и правоведы часто называют автократиями любые недемократические, гегемонические режимы (кроме тоталитарных). Я считаю это неправильным. Как сказано, автократия совместима с демократией. Кроме того, недемократические режимы бывают неперсонализированными — при военном режиме в той же Аргентине в 1976–1983 гг. сменилось пять президентов, ни один из которых не был автократом. Аналогичным образом дело обстоит в Бразилии в 1964–1985 гг., там тоже тогда друг друга последовательно сменили пять «военных президентов». Автократия не всегда сопровождает даже деспотическое правление. В Саудовской Аравии, в частности, автократом был только малик-основатель Абдул Азиз. Власть последующих маликов (все пятеро — сыновья Абдула Азиза) ограничивалась их братьями-эмирами.

5–1. Теперь мы подошли к самому главному.

В любом государстве властвует исключительно или преимущественно политически активное меньшинство, часто называемое политической элитой, политическим классом, правящим классом и т. д. А точнее, властвует верхушка этого меньшинства, формируемая, воспроизводимая, ротируемая в порядке зачастую непонятном и даже невидимом внешним наблюдателям. Эта верхушка — олигархат, ее властвование — олигархия, буквально властвование немногих. Можно также использовать синоним «олигократия».

Из известных нам авторов первыми об олигархии писали Платон и Аристотель, естественно, не разводящие формальную и фактическую организацию власти, не различавшие формы правления и формы режима. Они же постарались наполнить это понятие негативным содержанием. Платон рассматривал, а Аристотель был склонен рассматривать олигархию как правление, основанное на имущественных цензах, то есть как властвование богачей, как *плутократию*; но ни тот, ни другой этим словом не пользовались. Оба приписывали олигархическим государствам всевозможные пороки.

У Стагирита олигархия — «обезьяна» аристократии, ее извращенная форма. При аристократии «правят лучшие» или «имеется в виду высшее благо государства и тех, кто в него входит»³⁶. А при олигархии же блюдятся «выгоды состоятельных граждан» и, соответственно, общая польза в виду не имеется³⁷. В качестве примера олигархии он приво-дил, в частности, плутократические порядки в Карфагене³⁸, каковые порицал («Вполне естественно, что покупающие власть за деньги при-выкают извлекать из нее прибыль, раз, получая должность, они произ-

³⁶ Аристотель. Политика. Кн. III. 1279a35–36.

³⁷ Там же. 1279b6–10.

³⁸ Там же. Кн. II. 1273a22–1273b8.

держатся; невероятно, чтобы человек бедный и порядочный пожелал извлекать выгоду, а человек похуже, поиздержавшись, не пожелал бы этого»³⁹). Тут же, впрочем, признавая, что государственная система Карфагена заслуженно пользуется «хорошей славой»⁴⁰.

Аристотель описывал не только плутократическую, но также и наследственную олигархию, при которой государственные должности переходят по наследству⁴¹ и пр.

Но важно, однако, не это. Во-первых, и Платон и Аристотель считали правление немногих совершенно естественным. « [...] верховная власть непременно находится в руках либо одного, либо немногих, либо большинства»⁴². Во-вторых, олигархия у них – это «неправильно» организованное «неправильное» правление «неправильных» немногих. А возможно и желательно правление «правильных» немногих, организованное «правильно» и «правильное». Платон мечтал о правлении философов⁴³. Стагирит, будучи утопистом в меньшей степени – о *политии*, в которой синтезируется лучшее из олигархии и демократии – еще одной извращенной формы правления, «отклоняющейся» как раз от *политии*⁴⁴ (в таком случае олигархию он тоже мог бы назвать «отклонением» от *политии*, но не сделал этого).

Почему, говоря о властвовании немногих, я предпочитаю говорить об олигархии? Использовать слово, считающееся сейчас ругательным или, по крайней мере, «сомнительным»?

Традиция требует обращаться к грекоязычной терминологии. Нарушать ее не надо. Да, Платон и Аристотель, как сказано, негативировали понятие олигархии (правда, Стагирит был готов брать из нее «лучшее»). Однако они также изрядно негативировали и понятие демократии⁴⁵. Это не помешало спустя многие века «реабилитировать» его. И еще как «реабилитировать»! Современное понимание демократии, как уже было подробно показано, существенно отличается от античного. Почему же тогда нужно догматизировать платоновские и аристотелевские определения олигархии?

Еще Гоббс резонно утверждал, что аристократия и олигархия суть одно и то же, просто исторически сложилось, что слово «олигархия»

³⁹ Там же. 1273b2–5.

⁴⁰ Там же. 1273b25–26.

⁴¹ Там же. Кн. IV. 1292b5–6, 1293a27–34.

⁴² Там же. Кн. III. 1279a26–28.

⁴³ Платон. Государство. Кн. VI. 503b.

⁴⁴ Аристотель. Политика. Кн. III. 1279b5.

⁴⁵ «В демократическом государстве нет никакой надобности принимать участие в управлении, даже если ты к этому и способен; не обязательно и подчиняться, если ты не желаешь, или воевать, когда другие воюют, или соблюдать, подобно другим, условия мира, если ты мира не жаждешь. И опять-таки, если какой-нибудь закон запрещает тебе управлять либо судить, ты все же можешь управлять и судить, если это тебе придет в голову», – так считал Платон (Платон. Государство. Кн. VIII. 557e). Это даже не охлократия, а анархия в чистом виде.

используют в качестве негативного синонима слова «аристократия» — «те, кто недоволен *аристократией*, называют ее *олигархией*»⁴⁶. Аристотель и сам признавал, дескать, зачастую «аристократию считают некоей олигархией»⁴⁷. Продолжая эту линию рассуждения, замечу, что исторически же понятие аристократии оказалось крепко вписано в контекст феодализма. Аристократ в современном понимании — это феодал, дворянин, магнат и т. п., то есть земельный собственник или держатель, как правило наследственный, наделенный соответствующими привилегиями, в том числе социальными и политическими. Понятие олигархии же, напротив, постепенно освободилась от жесткой привязки к плутократии. Сейчас никого не удивит формулировками «бюрократическая олигархия», «партийная олигархия», а также «аристократическая олигархия». Аристократию стало уместно рассматривать как один из видов олигархии. Возможно, лучший вид, но именно вид.

К тому же «властвующие немногие» отнюдь не всегда имели и имеют знатное или вообще сколь-либо благородное происхождение. Можно ли непременно считать их «лучшими»? Заботятся ли они об общем благе или только о своем собственном? Соответственно, как общее и «олигархическое» блага соотносятся с интересами государства? Полагаю, что такие вопросы, мягко говоря, излишне оценочные. Попытки ответить на них и сделать выводы на основании ответов чреваты скатыванием к субъективизму и бесплодному морализаторству.

Роберт Михельс в 1911 г., опираясь на подробное исследование партийной социологии, сформулировал «*eherne Gesetz der Oligarchie*» («*Iron Law of Oligarchy*», «железный закон олигархии»), согласно которому во всякой человеческой организации, преследующей практические цели, неизбежно обнаруживается тенденция к *олигархизации*, в ней обязательно складывается олигархия⁴⁸. Необходимость управления организацией востребует лидеров и аппарат, состоящий из профессионалов, и власть неизбежно концентрируется в их руках. «*Wer Organisation sagt, sagt Tendenz zur Oligarchie*»⁴⁹ («Кто говорит „организация“ — тот говорит «тенденция к олигархии»»). В английском переводе, кстати, формулировка Михельса была «заострена» и тем самым «улучшена»: «*Who says organization, says oligarchy*»⁵⁰ («Кто говорит „организация“ — тот говорит «олигархия»»).

⁴⁶ Hobbes T. *Leviathan, or the Matter, Form, and Power of a Commonwealth, Ecclesiastical and Civil*. Oxford, 1998. P. 2. Ch. XIX. P. 123; Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. Кн. II. Гл. XIX // Гоббс Т. Сочинения в двух томах. М., 1991. Т. 2. С. 144.

⁴⁷ Аристотель. Политика. Кн. III. 1290a15–16.

⁴⁸ Michels R. *Zur Soziologie des Parteilebens in der modernen Demokratie. Untersuchungen über die oligarchischen Tendenzen des Gruppenlebens*. Stuttgart, 1970. S. 351–369; Michels R. *Political Parties: A Sociological Study of the Oligarchical Tendencies of Modern Democracy*. New York, 1966. P. 342–356.

⁴⁹ Michels R. *Zur Soziologie des Parteilebens...* S. 369.

⁵⁰ Michels R. *Political Parties...* P. 365.

Из «железного закона олигархии» следует, что, во-первых, чем больше организация — тем меньше в ней элементов демократии и больше элементов олигархии. Неолигархическое управление большими организациями невозможно технически. Соответственно, во-вторых, ни в какой политической организации и уж тем более ни в каком государстве власть не может быть организована демократически. « [...] die Mehrheit der Menschen, durch eine grausame Fatalität der Geschichte dazu vorherbestimmt, gezwungen sehen, die Herrschaft einer kleinen Minderheit aus ihrem Schoße über sich ergehen zu lassen und nur als Piedestal für Große der Oligarchie zu dienen»⁵¹.

Вне зависимости от формы правления политический режим всегда олигархический, олигократический, вне зависимости от того, кто заявляется носителем государственной власти, реальным ее носителем выступает олигархат.

По своему генезису и структуре олигархат может быть аристократическим (феодалным, служилым и пр.), плутократическим, бюрократическим, клерикальным, военным, партийным. Исторически чаще всего встречались различные гибридные варианты. Сейчас «костяк» олигархата в большинстве «развитых» стран составляют политические руководители государства, верхушка бюрократии, в том числе «силовой», крупнейшие собственники и предприниматели, топ-менеджеры ведущих бизнес-структур, религиозные деятели, лидеры ведущих партий и общественных объединений, профсоюзные боссы, «медиакраты».

Принадлежность к олигархату определяется не занятием должности в государственном аппарате — олигарх далеко не всегда занимает государственную должность, не всегда имеет официальный статус, а участием во властвовании, прямой вовлеченностью в процесс принятия государственных решений. Участие и вовлеченность обеспечивают происхождение, карьерные успехи (в самом широком смысле, в частности, успеш-

⁵¹ Michels R. Zur Soziologie des Parteilebens... S. 361–362.

И вот еще цитата: «Die demokratischen Strömungen in der Geschichte gleichen mithin dem steten Schlage der Wellen. Immer brechen sie an der Brandung. Aber auch immer wieder werden sie erneut. Das Schauspiel, das sie bieten, enthält zugleich Elemente der Ermutigung und der Verzweiflung. Sobald die Demokratie ein gewisses Stadium ihrer Entwicklung erreicht hat, setzt ein Entartungsprozeß ein, sie nimmt damit aristokratischen Geist, bisweilen auch aristokratische Formen an und wird dem ähnlich, gegen das sie einst zu Feld zog. Dann entstehen ihr aus ihrem eigenen Schoß neue Ankläger, die sie der Oligarchie zeihen. Aber nach einer Periode glorreicher Kämpfe und einer Periode ruhmloser Teilnahme an der Herrschaft gehen auch sie zu guter Letzt in der alten dominierenden Klasse auf. Jedoch, gegen sie erheben sich nun namens der Demokratie wieder neue Freiheitskämpfer. Und dieses grausamen Spieles zwischen dem unheilbaren Idealismus der Jungen und der unheilbaren Herrschsucht der Alten ist kein Ende» (Ibid. S. 377–378).

Нельзя не обратить внимание на «обреченный» тон Михельса — «трагическая потребность», «жестокая игра будет продолжаться без конца» и пр. Он долгое время придерживался радикально-социалистических убеждений, верил в народоправство и поэтому собственное открытие, сделанное на основе тщательного непредвзятого исследования как раз левых партий, его, очевидно, огорчило.

ную карьеру ведь может сделать как придворный, так и революционер), заслуги (также в самом широком смысле этого слова), богатство, связи, общественная известность и популярность, удачное стечение жизненных обстоятельств. Можно родиться олигархом (причем наследственная передача олигархического статуса практикуется отнюдь не только в отсталых странах, но в самых «цивилизованных»). Можно стать олигархом благодаря собственным сознательным усилиям. Можно быть назначенным олигархом или даже попасть в олигархат буквально благодаря случаю.

У любого олигархата есть свое «ядро» и своя «периферия», взаимодействие между ними бывает организовано самыми различными способами, но априори залог устойчивости любого олигархата — механизм взаимной ротации «ядерных» и «периферийных» фигур (вовсе не обязательно частой и оформляемой публично через те же выборы) и обновления его состава в целом за счет включения представителей политической и пр. элит и «контрэлит» (оппозиционных элитных групп).

Олигархия бывает *демократической*, если властвование олигархов ограничено и «замаскировано» демократическими институтами и практиками.

Олигархия бывает *автократической*, если правитель (соправители) возвышен над остальными олигархами, относительно автономен от них, если автократия ограничивает и опять же «маскирует» их властвование.

Олигархия бывает *одновременно демократической и автократической*, если соответствующие элементы сочетаются.

Если этих элементов нет, то налицо *идеальная («чистая»)* олигократия. Идеальная и та олигархия, которую не удалось ни ограничить, ни «замаскировать» демократией и /или автократией (в как в России во второй половине 1990-х гг., когда в условиях политической слабости и огромной непопулярности тогдашнего президента Бориса Ельцина и власти в целом открыто признавалось, что государством правят не столько выбранные избирателями политики и назначенные ими чиновники, сколько крупные предприниматели, разбогатевшие на внешнеторговых и финансовых махинациях и приватизации, которых так и называли — «олигархи»)

Демократические и автократические институты и практики обеспечивают вертикальную мобильность, а значит, обновление, ротацию олигархата (в том числе могут упреждать, профилактировать «закрытие» олигархата, если к этому есть тенденция) и легитимность тех олигархов, которые занимают официальные посты, задают им рамку «правил игры».

Нужно четко отдавать себе отчет в том, что олигархические институты и практики — основа любого современного политического режима. Может не быть ни демократии, ни автократии. Олигархия есть всегда. Олигархия есть обязательный элемент любого более менее современного политического режима, его основа. Слова «режим» и «олигархия» до определенного предела взаимозаменяемы.

Никакие революции, перевороты или «случайные» победы на выборах оппозиционных несистемных политиков ничего сущностно в политическом режиме не меняют и не могут изменить. Можно «оседлать историю», то есть уловить и эффективно использовать протестные настроения масс, «народа», или просто воспользоваться ситуацией для того, чтобы войти в олигархат, стать его лидером, реорганизовать, «ротировать» и пр. *Смена политических, религиозных, идеологических, социально-экономических, культурных парадигм зачастую сопровождается частичной или полной заменой олигархата. Но заменой олигархата, а не отказом от олигократии. Тут действительно действует «железный закон».*

Античная демократия в этой связи предстает исключением. Которое подтверждает правило и которое его объясняет. И в тех же Афинах демократия всегда дополнялась олигократией — тамошний олигархат включал политических лидеров как знатного, так и незнатного происхождения, полководцев, разбогатевших торговцев и ремесленников и пр. Так что античная демократия была олигархической, она не могла не быть олигархической⁵².

5–2. Тезис о демократической «маске» олигархии, думается, нуждается в дополнительных разъяснениях. Выше уже говорилось, что нация не может править нигде и никак, потому что ее «много». *Олигархат же обычно не может править открыто потому, что его «мало».* Исключения сейчас возможны лишь там, где сохраняются, консервируются традиционные политические культуры. Там же где они разрушены либо основательно разложены, то есть практически повсеместно олигархаты правят от имени и «по поручению» наций (либо наций и монархов). Признать подвластность наций не просто нежелательно, а невозможно. Представления о всеобщем политическом равенстве, о принадлежности власти нациям, о демократии как о лучшей форме властвования стали в последние века общим местом и светским «символом веры». Они зафиксированы во множестве правовых актов, включая конституционные и международные.

На Западе олигархии с XX в. «маскируются» почти целиком. При этом участие граждан в политике управлении государством все чаще и все больше подменяется иллюзией участия. В последние десятилетия благодаря в том числе значительному прогрессу в сферах политических технологий, PR и медиа, политический процесс часто сводится к кра-

⁵² А учитывая проявления «личностного фактора», то порой и олигархическо-автократической. Уже упоминавшийся Перикл был, выражаясь современным языком, «национальным лидером». Фукидид писал: «Перикл [...] управлял гражданами, не ограничивая их свободы, и не столько поддавался настроениям народной массы, сколько сам руководил народом. [...] По названию это было правление народа, а на деле власть первого гражданина» (Фукидид. История. М., 1993. С. 92).

Именно после смерти Перикла в Афинах начался «разгул демократии», приведший к крупным военным неудачам и внутривластному кризису.

сочным и динамичным постановкам. Это форма, за которой непропорционально мало содержания. Наиболее ярким примером стали президентские кампании в США с их праймериз, партийными конвентами и теледебатами.

Вместе с тем необходимо отметить, что благодаря своей демократической, либерально-демократической «маске» западные (а вслед за ними и многие незападные, но подражавшие западным) олигархии приобрели довольно специфические черты и свойства. «Маска», что называется, отпечаталась на лице. Если не приросла. Длительная практика массового вовлечения народонаселения в политику, имитации такого вовлечения, постепенное снятие почти всех формальных цензов и неформальных барьеров вкупе с культивированием политической и пр. конкуренции и плюрализма привели в итоге к опасному размыванию элит, и, следовательно, олигархатов. Выяснилось, что чем тщательнее и дольше олигархия прячется за демократию, тем более «демократическим» — в смысле зависимости от демократических институтов и практик — становится процесс воспроизводства и ротации олигархии. Подчеркну, имеется в виду не увеличение прозрачности и понятности процесса, и тем более не повышение реальной роли электората в нем. Чтобы добиться признания и согласия на властвование олигархам приходится все больше и чаще идти на уступки «простому гражданину», «массовому избирателю», заигрывать с ним, потакать его порокам, подстраиваться под него стилистически и ментально, то есть перенимать степень его примитивности и меру его невежества⁵³. Мало того, благодаря «демократическим» социальным лифтам и «окнам возможностей» в элиты и олигархаты проникает все больше случайных деятелей, объективно не готовых и не способных нести бремя власти и ответственности за власть. Особенно рельефно это проявилось в собственно политической, собственно государственно-властной сфере. Долгие десятилетия тон там задавали профессиональные политики, зачастую потомственные, которых традиционно попрекали «элитарностью», обвиняли в коррупции, лоббизме и т. д. Сейчас их все больше теснят всевозможные «граждан-

⁵³ Либерально-демократические олигархии становятся все более и более безответственными. Их социальная и демографическая политика попросту самоубийственны. Пожалуй, лучше всего об этом написал Максим Момот: «Желая получить голоса избирателей, американские и европейские политики вынуждены тратить деньги на бесчисленные социальные программы, фактически отучающие граждан от труда. Вдобавок, желая угодить электорату, политики вынуждены мириться с таким образом жизни людей, при котором заводить семью и детей считается необязательным. Потом государственные мужи делают удивленные лица, заявляют о приближении демографической катастрофы, о том, что будущих пенсионеров некому содержать, и новые миллионы денег налогоплательщиков идут на программы по поощрению деторождения, которые ни в одной развитой стране ситуацию пока не исправили и исправят вряд ли. Все это на Западе и называется демократической политикой» (Момот М. Слияния и поглощения // <http://www.lenta.ru/articles/2008/09/17/party/>).

ские активисты», «общественные организаторы», «медиаперсоны» и прочие «непрофессионалы» (естественно, отнюдь не менее склонные к коррупции и лоббизму), эффективно использующие демократические институты и практики, а также современные информационные технологии, да еще умело добывающиеся «демократизации демократии». Они не успевают пройти необходимую «школу», «обтесаться», проникнутся элитарным духом. Более того, они подчас стараются уклоняться от этого. Входя в элиту по факту, удачливые парвеню не желают считаться элитой, продолжают противопоставлять себя ей, блюдя свою «народность». Профессионалам все труднее их обучать и адсорбировать, происходит скорее обратный процесс. То есть профессионалы не подтягивают «новобранцев» на свой уровень (как было почти всегда), а сами опускаются на их низкий уровень⁵⁴.

Но главная проблема, конечно, лежит в иной плоскости. Образно выражаясь, *либеральная демократия не предполагает ни тормозов, ни заднего хода*. Она стремится к полному и окончательному «освобождению». Поэтому за «освобождением» большинства последовало «освобождение» всевозможных меньшинств (сопровождающееся академическими рассуждениями о том, что для демократии-де на самом деле важно не мнение большинства, а консенсус меньшинств). Поэтому либеральные демократии дальше «демократизируются». Поэтому либеральная демократия «экспортируется», причем порой во вред странам-«экспортерам» (не говоря уже об «импортерах»). Здравомыслящие либералы призывают остановиться, но остановиться никто не сможет. Мы наблюдаем *не девиацию либерально-демократического «прогресса», а его кульминацию*.

5–3. Хорошо известны и примеры *частичного «опубличивания» и даже легализации олигархий* как при копировании, так и при выстраивании альтернативных демократических и гегемонических моделей. Имеется в виду, в частности, официальное либо неофициальное закрепле-

⁵⁴ Резкий взлет Барака Обамы, его триумфальное избрание президентом США в 2008 г. можно и нужно интерпретировать как подтверждение только что высказанных слов о «политических активистах», наводняющих западные политикумы. Однако следует избегать соблазна объявлять его «народным президентом». «Народным» в том смысле, что он якобы был избран американскими гражданами вопреки позиции элиты. В Белый дом «дворняжку» (самоопределение Обамы; см.: http://www.gazeta.ru/politics/election_usa_2008/2008/11/08_a_2876844.shtml) привела, разумеется, элитная, олигархическая коалиция. Другое дело, что, во-первых, она составила из представителей не только «старой» элиты (плутократов, профессиональных политиков, университетских интеллектуалов), но и «новой» («политических активистов» и пр.). Во-вторых, в ситуации тяжелейшего экономического кризиса и массового разочарования политикой Джорджа Буша-младшего (кстати, принадлежащего к «аристократической» — по американским меркам — семье, а значит к «старой» элите) и Республиканской партии оказалась востребована и избираема именно «дворняжка». *«Непрофессионализация» политики и деградация элиты совершенно не означает перехода к народовластию.*

ние особой роли правящей партии или партии власти и партийного руководства — СССР, Китай с 1949 г., Мексика в 1938–2000 гг. (*партократия*, на определенном этапе неизбежно трансформирующаяся в *партийную бюрократию*, *парتبюрократию* — когда партия срастается с государственным аппаратом), религиозно-политических лидеров — Иран (*теократия*), военных, генералитета — Япония в 1900–1945 гг., Турция с основания республики Мустафой Кемалем в 1923 г., Аргентина, Бразилия, Чили в разные периоды своей истории в XX вв. (*стратократия*⁵⁵). Чаще всего демократический элемент в незападных странах «уравновешивается» авторитарным, то есть олигархией «маскируется» посредством не только демократии, но и автократии. Либо демократический элемент присутствует в минимальном объеме или вовсе номинально, то есть внешне олигархия предстает личной диктатурой и т.п. Хотя и сам Запад в XX в. знал олигархии и демократическо-авторитарные (упоминавшийся дегалловский режим) и авторитарные (режимы в Италии при Бенито Муссолини в 1926–1943 гг., в Португалии при Антониу ди Оливейре Салазаре в 1933–1968 гг., в Испании при Франсиско Франко в 1939–1975 гг.)

Олигархии (и, следовательно, политические режимы) можно и нужно делить на соревновательные и консенсусные.

Соревновательная олигархия организована на конкурентных началах, олигархии и олигархические коалиции, претенденты на олигархический статус публично соперничают напрямую или опосредованно через партийные, медийные и т.п. институты. При *консенсусной олигархии* политическая конкуренция существенно ограничена, подчас вплоть до ее полной непубличности — из соображений сохранения политической стабильности и пр. Соревновательная олигархия, конечно, не только не исключает, но, напротив, востребует свой консенсус. Как минимум консенсус о «правилах игры». Другое дело, что они не всегда оказываются адекватными и не всегда соблюдаются. И у такого консенсуса нет реального гаранта. Приходится полагаться на традиции, обычаи и право. Иногда их достаточно, иногда нет, все зависит от политической культуры и конъюнктуры. В свою очередь консенсусная олигархия, как сказано, ограничивает конкуренцию. Но не отменяет ее. Конкуренция неотменяема в принципе, поскольку имманентна человеческой природе.

Сущностное различие здесь не в наличии или отсутствии конкуренции либо консенсуса. При соревновательной олигархии конкуренция рассматривается как благо, как основа и как фактор развития. А при консенсусной — как «неизбежное зло», как то, что надлежит сдерживать или секвестировать.

⁵⁵ От греч. «στράτος» — «войско», «армия». Термин «стратократия», на мой взгляд, корректнее используемого российскими политологами и социологами термина «милитократия».

Ограничение конкуренции при консенсусной олигархии гарантируется и поддерживается правителем-автократом (соправителями-автократами), выступающим верховным источником политической воли, устанавливающим «правила игры» и обеспечивающим их соблюдение. Возможен и вариант, при котором олигархат не позволяет появиться правителю-автократу и при этом, стремясь консервировать status quo, самоограничивает себя, ограничивает возможности претендовать на олигархический статус.

Соревновательной бывает олигархия демократическая или демократическо-автократическая. Но не только. В Великобритании в XVII–XIX вв. функционировала идеальная соревновательная олигархия, то есть не демократическая и не автократическая (структура олигархата – аристократическая, затем аристократическо-плутократическая). Консенсусной же бывает олигархия и идеальная, и автократическая, и демократическая, и демократическо-автократическая. Примеры первого – «постфеодальные» аристократические режимы в арабских retrostates, военные режимы в Аргентине в 1976–1983 гг., в Бразилии в 1964–1985 гг., лютая партийная диктатура «красных кхмеров» в Камбодже в 1975–1979 гг. Примеры второго – режимы в Парагвае при Альфредо Стресснере в 1954–1989 гг., в Индонезии при Ахмеди Сукарно в 1959–1966 и Мухаммеде Сухарто в 1966–1998 гг. Примеры третьего – нынешние режимы в Китае и Иране (там автократические элементы основательно вывелись после, соответственно, отхода от власти «патриарха китайских реформ» Дэн Сяопина в 1990-е гг.⁵⁶ и смерти лидера Исламской революции Рухоллы Хомейни в 1989 г.). Примеры четвертого – режимы в России при Владимире Путине, в Казахстане при Нурсултане Назарбаеве, в Азербайджане при Гейдаре и Ильхаме Алиевых.

Я убежден, что политическая философия, политология и правоведение, обязаны выработать новые подробные классификации политических режимов безусловно признав: 1) что все и каждый из них имеют олигархическую основу, 2) что современная демократия, как и автократия суть важные, но в принципе не обязательные элементы режимов, 3) что любой режим нужно изучать в контексте национальной политической культуры, истории, современных конкретных реалий и тенденций, 4) что недопустима оценка режимов по степени их соответствия западным «демократическим стандартам» и любой пиетет по отношению к современным западным моделям.

⁵⁶ Ни Цзян Цземинь (глава Компартии в 1989–2002 гг., глава государства в 1993–2003 гг.), ни Ху Цзиньтао (нынешний глава компартии и государства) не стали автократами.